

Алесь Мищенко (TG: @Vostok 🌌)

Сказка о космосе

из сборника «Сказки, ставшие взрослыми»

Давным-давно, когда окружающий нас мир состоял ещё из сказок и легенд, древние греки придумали это слово: «космос». Придумали из греческого слова «космео», что значило тогда «украшать». Ведь сказки и легенды для того и придумываются, чтобы украсить всё, что мы видим вокруг: чтобы казалось, что курица может снести золотое яйцо, что деревинка обернётся долгожданным сыночком, а яблоки окажутся молодильными. Время сказок и легенд – это детство мира, когда всё вокруг яркое и красивое.

И я тоже, в своём собственном детстве, представлял космос таким же украшенным, как новогодняя ёлка – усеянным улыбающимися звёздами и дугами следов от ракет, на каждой из которых стоит довольный космонавт в пузатом скафандре. Там и сям мне представлялись планетки с которых нам приветственно машут инопланетяне. Некоторые из них были роботами, у которых всё было железное и квадратное – тело, голова, руки и ноги. А некоторые напоминали амёб из учебника биологии (только с глазами и улыбающимся ртом) – так во времена моего детства фантасты представляли непохожие на нас биологические формы. Ну а похожие на нас инопланетяне – назывались у фантастов «гуманоиды» и ничем не отличались от людей. Они были рассудительны и доброжелательны, ходили в модных сверкающих комбинезонах и стреляли в космических монстров из лазерных пистолетов, которые называли «бластерами».

Да и сами космические монстры тоже были не такие уж страшные. Обычно они походили на насекомых – как например в фильме «Чужие». С такими неприятностями можно было легко справиться с помощью бластера или огнемёта. В то время фантасты ещё и представить себе не могли тех реальных кошмаров, которые существуют в настоящем космосе. Писатели тогда не знали, что на далёких планетах, из-за отсутствия воздуха вскипает кровь и разрывается грудная клетка... что от радиации человек разбухает как шар и умирает за несколько часов... не

говоря уже о более жутких неприятностях, которыми полна реальная негостеприимная вселенная... Нет, космос в моём детстве был уютным и интересным – как книжка с картинками.

Этот милый детскому сердцу космос я встретил и чуть позже, прочитав книгу «Маленький принц» с карандашными рисунками писателя Экзюпери: герой этой повести жил на своей собственной, маленькой как камень-валун, планетке, на которой, кроме него, умещались только барашек и роза. И однажды, как капитан космического флота, маленький принц отправился в путешествие – от планетке к планетке, на каждой из которых, как в своём домике, жил очередной инопланетянин. И то, что все жители этих планеток были людьми – король, учёный, бизнесмен... – ещё больше придавало уюта вселенной.

И только планета фонарщика вызывала у меня некоторое беспокойство – вот сам тот факт что она, как было сказано, «с некоторых времён, стала вращаться быстрее» – так что день сменял ночь уже за несколько минут и фонарщику приходилось, в течение разговора с принцем, несколько раз зажигать и гасить свой фонарь. Помню было смешно, что фонарщик постоянно перебивал своего собеседника: «добрый вечер!» - и тушил фонарь... А потом «доброе утро!» и зажигал...

И вот, принц улетел, и, наверное, забыл о фонарщике. Но у меня, от его планеты, осталось чувство смутной тревоги. И только повзрослев и научившись формулировать свои мысли, я смог понять, что именно в той истории меня беспокоило. Мне в ней не нравился сам тот факт что, оказывается, уютная планетка может, ни с того ни с сего, начать вращаться всё быстрее и быстрее – вот так вот, бесконтрольно и необратимо, заставляя бедного фонарщика всё чаще и чаще тушить и зажигать, тушить и зажигать...

И, хотя маленький принц завидует фонарщику (потому что тот может наслаждаться рассветами каждые пять минут), и хотя из всех планеток, именно эту мне хотелось посетить больше всего (всё-таки хоть что-то интересное там происходило), – несмотря на всё это, история фонарщика подпортила мою детскую уютную картину мира. Как будто в этой открытке праздничного космоса образовалась какая-то микроскопическая трещина – через

которую, со временем, весь этот космический уют мог улететь в безвоздушное пространство – как воздух через дырку в международной космической станции.

Книга «Маленький принц» заканчивалась тем, что её герой посетил и Землю, приземлившись посреди Африки, в пустыне Сахара. Помню, в конце повести, когда принц уже вернулся домой, писатель Экзюпери (для того чтобы космос для читателя был живым) советовал смотреть на ночное небо и переживать: не съел ли барашек розу на планетке маленького принца. Но я думал не об этом, а о забытых принцем второстепенных героях, обитателях покинутых им планеток – о несчастном пьянице, о таком одиноком короле и, конечно, о фонарщике: не раскрутилась ли сейчас его планета до каких-то головокружительных скоростей, не взбунтовалась ли она окончательно, превратив его жизнь в бесконечную муку, где нет времени – ни поспать минутку, ни откусить бутерброд. Да и не хочется, потому что живёшь на тошнотворной карусели.

Тем более тут (в отличие от случая с барашком и розой) и представлять было нечего: некоторые звёзды мерцали, помигивали как далёкие вращающиеся сирены и я представлял, что вот, возможно, это и есть та самая планета фонарщика. И если они не пульсировали слишком часто, это означало, что жизнь фонарщиков, обитающих на этих пульсарах, пока ещё не превратилась в ту жуткую карусель...

Но, чем больше я выросл, тем чаще замечал, что звёзды мигают уже быстрее чем в детстве – почти раз в секунду... Возможно, это мне просто казалось – ведь, чем больше вырастешь, тем больше ускоряется жизнь. Но может, и действительно, звёзды теперь мерцают часто – ты можешь это проверить сам, взглянув в ночное небо. И если, действительно, мерцание ускорилось, то значит, и та далёкая планета-пульсар, на которой маленький принц когда-то оставил фонарщика, уже раскрутилась до такой жуткой скорости – почти один оборот в секунду...

Вот так, с истории с фонарщиком, постепенно, воспоминания об этом детском уютном космосе с машущими космонавтами и

инопланетянами остались в прошлом, забылись, как забываются сны. Как будто вся эта картинка из детского научно-познавательного журнала – с ракетами, роботами и гуманоидами – стала рваться, обнажая под собой новый, взрослый, холодный и бесконечный космос.

И теперь, когда я совсем вырос и изучил астрономию, то, глядя в звёздное небо, я не представляю уже ни машущих мне инопланетян, ни барашков, ни роз... И только жуткий повзрослевший фонарщик пролез в этот новый, научный и неуютный космос: я даже знаю где он живёт – вон там, чуть в сторону от Канопуса(самой яркой звезды южного неба) – именно там находится вспыхивающий и гаснущий пульсар PSR J0437-4715, ближайший с которого можно хотя бы теоретически прилететь, и наблюдаемый ещё во времена Экзюпери, когда маленький принц долетел оттуда к нам и приземлился в песках Сахары.

Но в этом новом космосе уже нет не только ничего уютного, но и ничего живого. Теперь я уже очень хорошо знаю этот пульсар фонарщика. Со времён детства мои знания о нём устрашающе изменились. Это действительно маленький, размером с городской район, объект. Но он сейчас тяжелее Солнца: вместо привычной нам каменистой земной коры у него кора из тяжёлых трансурановых металлов, а вместо подземной лавы – нейтронная жидкость, одна капля которой весит как гора Эверест.

Сила тяжести на пульсаре фонарщика оказалась в сотни миллиардов раз больше земной и раздавила и его жителя, и фонарь, и всех туристов прилетевших туда за частыми рассветами, из-за которых маленький принц так завидовал фонарщику. Все, кто попал на этот пульсар, расплющились, сжались и превратились в эту сверхтяжёлую кору – как матросы того пиратского корабля – «летучего голландца» – врастают со временем в его палубу, стенки и мачты. Ну а скорость вращения увеличилась уже невообразимо – до 173 оборотов в секунду. И это мигание 173 рассветов и закатов в секунду, превратило прежде уютную планету в кошмар для фонарщиков, где движения поднесения огня к фонарю утром и обратно вечером превратились в высоковольтную тряску. И если там осталась душа превратившегося в тяжёлые металлы фонарщика, а может и

некие другие его бестелесные гости (страшные и непобедимые раз такой кошмар – это их родной дом) – они действительно могли бы, к, превратившейся в ужас, зависти маленького принца, встречать рассвет 173 раза в секунду...

Но давно потухло их солнце и эти бесплотные духи вращаются в полной, космической, головокружительной темноте...

* * *

На этом и заканчивается эта страшная сказка. И начинается правдивая история. Потому что, кроме инопланетян, на той далёкой теперь картинке детского космоса, я запомнил ещё и наших, земных капитанов космических кораблей. Тех самых, которые были готовы прийти на помощь к терпящим бедствие жителям других планет, освободить их от космических монстров – даже если этими монстрами окажутся не придуманные фантастами насекомовидные «чужие», а реальные космические монстры: или головокружительные пульсары, или пожирающие пространство чёрные дыры, или мёртвые звёзды, взрывающиеся сверхновыми. И, поскольку в реальности, такие межгалактические корабли ещё не были придуманы, я поступил в университет и стал учиться на физика. Я, как древние мореплаватели, изучил карту вселенной – чтобы знать где действительно могут находиться все эти страшные объекты-монстры, а где – инопланетяне. Жаль что все эти места так и остались недостижимыми. Ведь найти способ преодолевать межгалактические расстояния ни у меня, ни у моих коллег не получилось. Но, может быть, получится у тебя. И тогда космические корабли полетят – и к инопланетным роботам, и к улыбающимся амёбам, и к заключённым на своих планетах фонащикам, и даже к непохожим на нас «чужим», тоже терпящим бедствие в этом холодном и неуютном космосе. И теперь, когда я смотрю на мигающие звёзды, я тревожусь уже меньше, я тоже им подмигиваю в ответ – всем, возможно живущим на них и, из последних сил борющимся с силой тяжести фонащикам: потерпите ещё немного. Помощь идёт.